

2. Артемьев А.В. Стенопись православных храмов. Сегодняшние проблемы // Проблемы современной церковной живописи. Материалы конференции 6-8 июня, 1996. Московская Духовная Академия. – М. 1997. – С. 145-147.
3. Бехтерева Е., Артемьев А.В. // Словарь русской цивилизации. – М.: 2004-2009.
4. Каргер М.К. Древнерусская монументальная живопись XI – XIV вв. Альбом / Сост. и ред. вст. ст. Каргер М.К. – М-Л., 1964.
5. Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода XIV – XV вв. – М., 1987.
6. Муратов П. Допетровская эпоха // История русского искусства. В 6 томах. Т. 6. Под ред. И.Е. Грабаря. – М., [1910]-[1913].
7. Шаронова Е. Храмы ждут художников-мастеров. (Интервью с А. В. Артемьевым) // Искусство. 2007. Сентябрь № 18 (367).

УДК 93/94

Захарова Л.Б.

*Самарская академия государственного
и муниципального управления*

МОРАЛЬНАЯ ЦЕНА КОНФЛИКТА ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В РОССИИ В 1920-е гг.

L. Zakharova

Samara Academy of State and Municipal Administration

THE MORAL PRICE OF CONFLICT BETWEEN THE POWER AND THE CHURCH IN RUSSIA IN THE 1920's

Аннотация. Статья анализирует весьма важную и актуальную в истории российского общества советского периода проблему взаимоотношений государственной власти и Русской Православной Церкви и ее отражение в общественном сознании и моральных оценках представителей духовенства и простых граждан. Исследование уделяет внимание нравственным оценкам в глазах общества политики государственной власти по отношению к Русской Православной Церкви в 1920-е гг., рассматривает содержание писем в различные государственные инстанции как священнослужителей, так и светских граждан, а также отношение общества в целом к борьбе с церковью и антирелигиозной пропаганде.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Россия в 1920-е годы, религия, духовенство, общество, мораль.

Abstract. The article examines a very important and topical problem in the Soviet period history of the Russian society: the problem of relations between the government and the Russian Orthodox Church; as well as the way it was reflected in the public consciousness and the assessments that gave the clergy and ordinary citizens. The research is focused on the society's moral judgments of the government policy towards the Russian Orthodox Church in 1920's. The article considers the content of both the clergy's letters and the letters of secular people to various bodies of state authority, as well as the attitude of the whole society to the fight against the church and to the anti-religious propaganda.

Key words: Russian Orthodox Church, Russia in the 1920's, the religion, clergy, society, morality.

Исходной точкой, обозначившей отношение Советской власти к религии, стал Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный 23 января 1918 г.¹ Этот нормативно-правовой акт, принятый СНК РСФСР, имел конституционное значение и устанавливал светский характер государственной власти. Содержание религиозной политики Советского государства отражено в основных статьях Декрета о запрете религиозных об-

© Захарова Л.Б., 2012.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

рядов и церемоний при совершении государственных или иных публично-правовых общественных действий, а также о запрете преподавания религии: «школа как государственное образовательное учреждение отделяется от церкви». Данным Декретом было отменено право собственности у церкви и религиозных обществ, недопущение для них прав юридического лица: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Это положение Декрета стало в 1921 г. юридическим основанием изъятия ценностей Русской Православной церкви во время голода в Поволжье.

Накануне опубликования Декрета, 19 января 1918 г. патриарх Тихон в своем соборном послании провозгласил анафему тем, кто развязал в России террор и кровавую смуту, расколовшую страну на два лагеря: «Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только... хотя по рождению своему принадлежите к церкви Православной...» [6, с. 52]. Это послание патриарха Тихона, Декрет об отделении Церкви от государства, вся последующая политика Советской власти в отношении Церкви – стали началом неразрешимого и жестокого тройного конфликта в обществе: во-первых, государства по отношению к Русской Православной Церкви; во-вторых, реформаторского раскола внутри самой Русской Православной Церкви, разделившего ее на «тихоновцев» и «обновленцев» – приверженцев патриарха Тихона и традиционной Церкви и сторонников новой обновленческой «живой церкви»; в-третьих, властей по отношению к народу как хранителю и почитателю православных святынь, обычаев и традиций.

Интересно и чрезвычайно важно для исторической объективности рассмотреть отношение самого народа к религии и к государству как к силе, непосредственно влияющей на него. Проследить это отношение можно в письмах, адресованных различным властным структурам.

Верующие чутко реагировали на кризисные внутрицерковные процессы. Об этом, в

частности, свидетельствует жалоба дьякона села Гагина Сергачского уезда Нижегородской губернии Хитровского на имя Ленина от 10 сентября 1918 г.: «Ведь и мы тоже люди, а не какая-нибудь скотина, ведь и мы тоже теперь имеем право назваться свободными гражданами. Но нет, нас все гнут и гнут наши духовные верхи»¹. Другой ипостасью внутрицерковного конфликта стало усиление давления на прихожан со стороны церковных властей. Особенно эти противоречия обострились в связи с «обновленчеством», поддержанным властью. Запрос прихожан села Максимовки Тамбовской губернии во ВЦИК от 25 апреля 1923 г. направлен против укрепления духовенством своей власти над верующими: «Союз духовенства принялся укреплять свою духовную власть над верующими гражданами и действительно укрепляет ее прочнее, чем при царизме. Священники по приходам ставят себя полновластными хозяевами в приходской общине, священник церковно-приходскими делами управляет единолично по своему усмотрению». Выход из создавшегося положения эта группа прихожан видит, прежде всего, во вмешательстве властей: «Мы, верующие граждане, находим такое положение неправильным и просим Государственную власть оказать нам содействие к достижению духовного раскрепощения верующих граждан от поповского засилья. Мы, приходская община, должны иметь законное право сами для себя выбирать священнослужителей, независимо от церковной власти группы «живой церкви», и что должно быть проведено в законодательном порядке Государственной властью. Тогда только верующие граждане будут иметь возможность достигнуть полной духовной свободы»². Таким образом, верующие граждане понятие «нравственная свобода» ставят выше церковной власти и, апеллируя к государству, требуют ожидаемой духовной свободы.

Массу писем в различные инстанции вызывало как нарушение церковного законода-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 60. Л. 199.

² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 6. Д. 26. Л. 31-32.

тельства, так и практика его применения. Так, письмо членов Совета религиозных общин и групп наркому юстиции Д.И. Курскому от 4 января 1920 г. свидетельствует об участившихся фактах заключения в концлагерь, принудительной отправки на фронт в штрафные роты и расстрелов лиц, подавших согласно декрету СНК от 4 января 1919 г. заявления в суд о неприемлемости для них военной службы по религиозным убеждениям¹. Верующие религиозной общины города Костромы в своем заявлении в Совнарком от 22 февраля 1920 г. протестуют против насильственного закрытия храмов: «Пора же, наконец, и на местах лицам, заведующим отделами по отделению Церкви от Государства, понять, что физическое стеснение в религиозной области ведет не вперед, не к лучшей жизни, а возвращает назад, к диким временам»².

Как свидетельствуют архивные источники, волна массовых репрессий Советского государства против священнослужителей и верующих мирян прокатилась после выхода известного постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [4, с. 103]. Это постановление лишало религиозные объединения и избираемые ими органы юридических прав.

Среди материалов фонда «Помощь политическим заключенным» (Ф. 8409), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), находятся письма пострадавших от действий властей священников, их родных с различными просьбами (о ходатайстве перед вышестоящими органами власти о пересмотре приговоров, перемене места ссылки и проч.) к Е.П. Пешковой [1] и возглавлявшейся ею организации «Помощь политическим заключенным».

Документальные материалы фонда «Помощь политическим заключенным» дают возможность проследить судьбы священников и мирян, подвергшихся в 1920-1930-е гг. репрессиям со стороны советского государства – тюремному заключению, ссылкам и расстрелам [5, с. 241-266]. Ряд документов свидетельствует

об арестах священников, произведенных без предъявления каких-либо обвинений, и задержании их на несколько месяцев без проведения допросов, об их подорванном во время ссылки здоровье. В письмах подробно и четко излагаются и опровергаются предъявленные обвинения, и все они типичны: сколачивание церковного «актива», пропаганда против коммунистической партии, контакты со священниками, пропаганда религии в школе.

Приведем для иллюстративности три письма в организацию «Помощь политическим заключенным». Одно из них – письмо ссыльного протоиерея Медведкова Пантелеймона Илиодоровича от 25 декабря 1930 года: «...Я протоиерей, до 1920 г. состоял преподавателем семинарии, а с этого времени состоял настоятелем приходской Церкви в селе Ново-Григорьевке Мелитопольского округа. В ночь на 30 января 1930 г. я был арестован Мелитоп[ольским] Окр[ужным] ГПУ, заключен в ДОПР и по суду Харьковской Тройки ОГПУ УССР отправлен в ссылку на 3 года в Сев. Край и сейчас проживаю в г. Пинега Арх[ангельского] Окр[уга], состоя на укладке реек на дрова при местном лесозаводе «Лесосвет», с заработком 30 коп. в сутки»³.

Второе письмо – административно-высланного Зиновия Спиридоновича Флорова от 14 февраля 1931 г.: «Прошение. Простите меня, что я вынужден, при всех Ваших многочисленных трудах, утомить Ваше внимание своею просьбою. Я – бывший священник – протоиерей села Елховки Средне-Волжского края (бывшего Самарского округа). Постановлением особой Коллегии Самарского Краевого ОГПУ от 1/IV-30 г. я административно осужден по ст.58 УК к высылке на Урал на 5 лет, а Уральским П.П.О.Г.П.У. водворен на жительство в село Обдорск Тобольского округа.

...До водворения меня в Обдорск я 6 месяцев был в домах заключения – Самарском, Челябинском, Свердловском и Тобольском; наказание несу совершенно невинно: мне ли, 70-летнему старику, стоящему одной ногой в могиле, имеющему на плечах голову и некоторую житейскую опытность, дойти до та-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 286. Л. 188-189.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 287. Л. 69-69 об.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л. 101.

кой наивности, чтобы заниматься агитацией (я обвиняюсь в агитации против Соввласти и колхозн[ого] движения); никто из моих бывших прихожан этого не скажет. Мой вопрос, при допросе меня в ОГПУ: «когда, где и в какой форме выражалась моя агитация» – остался без ответа. Что же касается агитации против колхозного движения, то это обвинение должно отпасть уже потому, что вопрос о колхозах в данном селе решался тогда, когда я уже [за] 4 месяца до этого из с. Елховки был (по совету районного уполномоченного ОГПУ) и жил в г. Самаре у своей дочери. Вина моя только в том, что я – священник, прожил в приходе 47 лет, пользовался от прихожан некоторым авторитетом.

Я не стану утомлять Ваше внимание описанием тех несправедливых действий против меня активных работников данного села, некоторые из них за свои перегибы по должности несут наказание в доме заключения, прошу Вас как Председательницу такого гуманного и сострадательного к людскому бедствию учреждения, пожалеть меня, беспомощного и больного старика и, не взирая на классовую сторону, подать свой голос пред Высшею Властью: простить меня и возвратить к моим детям, которые проживают в гор. Самаре, где бы я окончил остаток немногих дней моей жизни...»¹.

Третье приведенное письмо – это ходатайство жены самарского священника Флорова, написанное в январе 1931 г.: «...Но целью моего прошения является не просьба оправдания его или разбора правильности постановления Самарского Краевого ОГПУ, а просьба помиловать его как больного и дряхлого 70-летнего старика. В ночь с 28 на 29 апреля 1930 г. он был отправлен этапом без предварительного медицинского осмотра, а благодаря своему болезненному состоянию он даже не может обходиться без посторонней помощи...

Теперь же около него нет ни родных, ни знакомых, и он совершенно беспомощный, без теплой одежды, заброшен в самый суровый край – Обдорск, на произвол судьбы

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 263-264.

и верную гибель. Прошу Вас, обратите свое благосклонное внимание на бедственное положение 70-летнего старика и чем можно, облегчите его положение, и может быть, дадите возможность дожить ему немногие последние дни у своих детей – рабочих и служащих – в городе Самаре. Самара, ул. Фрунзе, 153, кв. 3. А.А. Флорова»². Хочется обратить внимание на то, что в каждом из писем звучит глубокая вера, личное внутреннее достоинство, незапятнанная честь и надежда на справедливость со стороны власти.

Что касается деревни, то многочисленные письма оттуда с прямыми или завуалированными настроениями в пользу религиозной свободы показывали вождям партии, как и местным партийным и советским руководителям, неэффективность усилий по внедрению «социалистического сознания» в толщу крестьянских масс. Такой вывод делает исследователь истории общественного сознания, ментальности советского периода А.Я. Лившин [3, с. 166]. Остается добавить, что к концу 20-х гг., несмотря на активную антирелигиозную агитацию и пропаганду и борьбу с церковью со стороны государства, можно констатировать стойкость обыденных религиозных представлений крестьянского населения, да и всего общества в целом. Другими словами, в широком общественном сознании такие моральные категории, как свобода, совесть, вера, честь, достоинство, – связанные в первую очередь с духовно-религиозными ценностями, – оказались выше и сильнее политических и идеологических веяний и тенденций.

Формируя в общественном сознании коммунистическую мораль, государство пыталось насаждать ее за счет ломки традиционных норм и ценностей, в том числе религиозных святынь, отвергая нравственные устои. Однако с разрушением церковей и православных святынь в обществе не были разрушены основы традиционной морали: «Вся богоборческая эпопея 20-х годов однозначно прочитывается как смена религий, смена сакральных систем, ...коммунистическая идеология в России была новой формой религии» [2, с. 99].

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 272-272 об.

Итак, в 1920-е гг. Церковь как институт государственной власти – подверглась фактическому разрушению и уничтожению, в то время как Церковь как хранительница православной веры – отстояла свои позиции в духовном самосознании народа, смогла сохранить определенный моральный кодекс, в котором главными нравственными категориями выступают добро, любовь к ближнему, совесть, вера в справедливость и готовность к сочувствию, состраданию, самопожертвованию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920-1936 / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. – СПб., 2005. – 448 с.
2. Левкиевская Е. Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. Российский исторический журнал. – 1997, № 8. – С. 96-101.
3. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. – М., 2010. – 344 с.
4. Милова О.Л. Документальные свидетельства о гонениях на духовенство в СССР в 1929-1931 гг. // Традиции и современность. Научный православный журнал. – 2007, № 6. – С. 103-125.
5. Милова О.Л. Новые страницы в «Книге памяти» пострадавших за веру в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: По материалам фонда Общества «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» // Церковь в истории России. Сб. 5. – М., 2003. – С. 241-266.
6. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. – 511 с.